АПОЛОГІЯ
НИКОЛАЯ
СТРУИСКАГО.

зала 18
шкафъ 330
полка
№ 19.

Мф $\frac{К 1}{19100}$

V

РГБ, ...

АПОЛОГІЯ
къ
ПОТОМСТВУ
отъ
Николая Струйскаго
или
НАЧЕРТАНІЕ
о свойствѣ нрава
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА СУМАРОКОВА
и о нравоучительныхъ ево поученіяхъ,
писана 1784 года,
въ Рузаевкѣ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Печатано съ дозволенія Управы Благочинія у Шнора,
1788 года.

Любезныя мои Потомки!

Вы безъ сумнѣнія восхищены будете славою великаго писателя Господина Сумарокова, возвысившаго въ свое время, дарованіями своими духъ нашего отечества! и по однимъ ево безсмертнымъ сочиненіямъ, преходя оныя, конечно сіе объ немъ скажите: „Сей то былъ великій мужъ перьвой изъ со„отечественниковъ, которой самъ себя воздвигъ до толи„кой степени славы, что по справедливости наимяновали „ево отцемъ Россійскаго театра и стихотворства; а при „томъ и преобразителемъ нашего прекраснаго языка.„ Но что всего пристойняе намъ; а вамъ величественняе! когда скажете вы объ немъ и сію непреоборимую истинну: „Былъ „сей великой человѣкъ при томъ и совершителемъ изъ пре„славныхъ одного намѣренія Государя Императора ПЕТРА „ВЕЛИКАГО, и сталъ возмездіемъ трудовъ сего несравненнаго

„въ свѣтѣ Монарха, неутомимаго наукъ насадителя!„ А воздавъ памяти ево, достойную вы честь, когда проникните въ ево ученіе, восторжествуете надъ завистію и неблагодарностію и будете вы торжествовать надъ пороками.

Но Любезныя мои Потомки! вы возвышая ево славу, находя въ семъ отличномъ вашемъ предкѣ, толь рѣдкія дарованія разума и добродѣтели, оживляющія и самую природу и воздымающія существо человѣческое! будете однако жъ размышлять, да и не безъ основанія, о неудовольствіяхъ въ ево жизни: изъясненныхъ главнымъ доказательствомъ въ его нѣжныхъ Елегіяхъ и въ другихъ разныхъ прозаическихъ ево сочиненіяхъ и стихотворствахъ. Напротивъ чего можно надѣяться, представятся глазамъ вашимъ въ числѣ безпристрастныхъ преданій и такія описанія жизни ево, которыя принесутъ вамъ о нравѣ ево безмѣрно порекательныя заключеніи, каковое одно въ сіе время уже и читаютъ, изданное въ печать при похвалѣ некоторой обыкновенно сплетаемой таковыми писателями ево твореніямъ.

Похвалы сіи въ сравненіи ему истинныхъ похвалъ, которыми ево еще и въ жизни ево, Европа осыпала: суть ни что иное, какъ стукъ отъ дерева източеннаго червями, до-

казывающей и въ самое прикосновенiе, гнилость состава, отъ котораго онъ происходитъ, или какъ объ нихъ и самъ Г. Сумароковъ написалъ:

„Достойной похвалы невѣжы не умалятъ;
„А то не похвала, когда невѣжы хвалятъ.

И такъ говоря, о прямыхъ ему похвалахъ: Естьли бы въ сей вѣкъ, когда я къ вамъ, Любезныя Потомки пишу сiе начертанiе, изъ соотечественниковъ по смерти ево кто и возхотѣлъ оныя, нѣсколько умалить, дабы на униженiи славы его вознести собственныя свои достоинства; но однакожъ, вмѣсто прiобрѣтенiя похвалъ, осрамилъ бы онъ себя, предъ вами? и вы тому не легко, или и совсемъ не повѣрили бы, и сказанiя о какомъ либо въ творенiяхъ ево несовершенствѣ, а особо въ красотѣ ево сочиненiй, тѣмъ же самымъ и имъ же самимъ вычищеннымъ языкомъ писанныхъ, развратнаго нашего противъ ево умствованiя, конечно бъ не утвердили; и къ сравненiю съ нимъ, да и то въ одной только Поэзiи Лирической, можетъ быть, хотя и отважились бы поставить ему въ соперничество Г. Ломоносова, но и то по совѣту славнаго Г. Ролленя, приступили бъ судить о сихъ двухъ разумахъ перьвой степени, съ крайнею осмотрительностiю и потому одному, что отъ временъ возпаренiя ево къ Поэзiи до пресеченiя днѣй ево, и послѣ того никто еще ево, и ни въ

чемъ не только не превзошелъ: но исключая весьма немногова числа (*) восшедшихъ и восходящихъ въ славу своими сочиненїями; и приравнится къ нему не могли. Да сїи почтенныя мужи и не о проповеданїи потомству своего ценсорства, но величїемъ духа своего живя, въ себѣ самихъ, а къ тому еще и о засвидѣтельствованїи ему истинной своей благодарности помышляютъ.

Но когда уже и въ наше время: ибо я пишу отъ общества всѣхъ людей просвѣщенныхъ и украшенныхъ добродѣтелями, и которыхъ патрїотическїй духъ къ начертанїю сего и есть сугубымъ мнѣ ободренїемъ; когда уже и въ сїе толь краткое время по смерти Г. Сумарокова, открылося на его добродѣтельное сердце и нраву злобу его приписующее произведенїе: растлѣвающее всякую добродѣтель! то уже и утверждаетъ во мнѣ мысль сїю, что подобныя тому и во множествѣ своихъ писемъ, не только заставятъ васъ размышлять, но можетъ быть и подразумѣвать о качествахъ сердца мужа сего, жившаго въ наше время, весьма добродѣтельно!

(*)

А къ тому восходя помышленїями моими и къ обрасцу столь дерзновенному писателева произведенїя: возмущается духъ мой, Любезныя мои Потомки; Страшусь! дабы сїя вновь породившаясь въ нашемъ отечествѣ и до сего еще неслыханая язва ругательства: показующая въ себѣ ничто, но много въ себѣ заключающая; не могла бъ заразить и развратить нравы моихъ соотечественниковъ!

Погружаясь въ сихъ чувствительныхъ и снѣдающихъ сердце мое размышленїяхъ, горя къ отечеству моему должною любовїю, и наполняя душу мою благодарностїю къ тлѣну сего великаго человѣка: не могу я, Любезныя Потомки, извинить ни чемъ сего дерзскаго преступителя, ниже оставить, не разрывъ громаду причинъ, затѣняющихъ непорочность нрава сего великаго мужа; дабы спознавъ о томъ и вашъ, благородною ревностью напоенный духъ, могъ судить о истекаемыхъ по смерти ему оскорбленїяхъ. А при томъ да будетъ изъ перьвыхъ моимъ намѣренїемъ, чтобъ отвратить зло сїе въ нашемъ отечествѣ и въ настоящее время, естьли удобенъ будетъ гласъ моего усердїя, взойти ко трону истинны, предостеречь и васъ, Любезное Потомство.

Я не берусь вымолвить тово, чтобъ не имѣлъ Г. Сумароковъ нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей, врожденныхъ въ насъ самимъ естествомъ; и извиняемыхъ часто и самимъ строгимъ добронравіемъ. Но не могу во перьвыхъ не утверждать сего предъ вами и цѣлымъ свѣтомъ, что изданное на нево сочиненіе ничто иное, какъ была капля истекшая съ языка зависти: зародившаясь и созрѣвшая въ нѣдрѣ ея, еще при жизни сего великаго мужа; но не находила пера столь дерзновеннаго въ рукахъ у всѣхъ невѣждъ нашего времяни, которое бы омочить она могла, на поношеніе въ жизнь ево славою, или лучше сказать въ гремящіе славою ево дни! направляя въ тайнѣ тогда одни ихъ только языки; сродныя и у всѣхъ человѣковъ больше къ похуленію достоинствъ, нежели къ похваленію.

И хотя клевета сія толь наглая и сама по себѣ изчезающая, душевнымъ мужа сего качествамъ, а тѣмъ меняе славѣ его ущербу принести не можетъ; потому что и другія о кромѣ меня, о ево добродѣтеляхъ почтенныя мои сограждана, въ похвалахъ своихъ, (*) а при томъ и при чув-

---

(*) Г. Николевъ въ письмѣ къ Г. Карину, и въ егожъ Г. Сумарокову епитафіи.

Г. Каринъ въ разговорѣ: въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ.

ствительномъ соболѣзнованіи о его кончинѣ, при горящей сердецъ своихъ благодарности возвѣстили; а сверхъ всего и самыя ево нравоучительныя поученіи, принудили бы васъ Дражайшія мои Потомки непремѣнно осязать ево тѣмъ, что онъ былъ: но когда и самая тѣнь нареканія и меньшимъ состоянія ево людямъ, была бы чувствительна; то, или по смерти любезнѣйшимъ другамъ и пріятелямъ и знаемымъ ихъ, не было бъ оное въ болѣзнь, и въ болѣзнь нестерпимую? Но я говорю сіе и не къ возбужденію жалости о человѣкахъ по смерти обруганныхъ, которую мы, естьли въ своихъ, такъ и въ другихъ сердцахъ легко вообразить можемъ. Но естьли сопряженное со онымъ зло, къ нещастію послѣдуетъ: и послѣдуетъ оно для одного только увеселенія скареднаго невѣжества и напыщенія злобы; а тогда не жалости одной, но достойно будетъ уже и вѣчнаго нашего соболѣзнованія; что самое теперь и упредить поспѣшаю.

Не намѣренъ я, Любезныя мои Потомки отяготить вашъ слухъ, поясненіемъ всего выпущеннаго объ немъ, въ свѣтъ, у Вейтбрехта и Шнора творенія: (*) естьли вы ево уви-

---

Г.... въ письмѣ своемъ о преобразителяхъ Россійскаго языка, на случай представленія: А. П. С. напечатано въ Москвѣ 1778 года.

Г. Херасковъ въ стихахъ къ изображенію Г. Сумарокова и пр.

(*) Смотри Петерб. вѣстникъ, пер. част. печат. въ вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора 1778.

дите, и естьли только такъ оное имяновать будете? Низость духа сочинителева удержало даже руку ево отъ подписанія своего имяни, и намъ онъ неизвѣстенъ. . . А толь меняе ожидайте отъ меня, чтобъ я и размышленіе сего неизвѣстнаго, о сочиненіяхъ толь великаго мужа, возмечталъ либо оговаривать; и не сіе мое намѣреніе. Твореніи Г. Сумарокова, есть и будутъ, всегда живой отголосокъ, хотябъ и не противъ невѣжества: а иначе умалилъ бы я ихъ безсмертіе! Истинна никогда не имѣла нужды въ чужомъ одобреніи.

Пускай, надѣлалъ бы онъ имъ похвалъ или критики столько числомъ книгъ, сколь прославленный оный грамматикъ Дидимъ сочинилъ; (*) или хотя бъ и толикое число о томъ совершилъ, сколько требовалося помѣстить въ библіотеку Царя Птоломея; но не помѣщалъ бы въ нихъ злорѣчія своего мертвымъ: а особливо, какое онъ стремился утвердить на сего преславнаго мужа, къ чести нашего отечества извѣстнаго уже у всѣхъ народовъ; и въ то самое время, когда тѣнь его, еще присудствуетъ въ святилищѣ Парнаса! Но мертвой за чистоту совѣсти и за доброе свое имя обезславленное и преданное въ потомство, не чувствуя уже всего, отражать не можетъ.

(**) 4000.

Слава творенїй увянути не можетъ: а качества душевныя обезславленныя, страдали бы вѣчно, когда бы не было имъ и послѣдьняго сего прибѣжища къ ихъ оправданїю. Древнїя въ жизни своей, говоритъ Баконъ, избирали прїятелей въ защитниковъ своимъ писанїямъ; но былъ то единый только даръ, а не знакомъ ихъ покорности. И такъ, и живыхъ защищали: но мертваго оправдать, не вопїетъ ли и самое человѣеество? лишъ бы оправдать не злодѣя, не измѣнника Государю, не предателя отечества, не грабителя народнаго, не развратителя нравовъ и другихъ недостойныхъ званїю человѣка имѣвшихъ пороки.

И такъ уже сталося, что надобно оправдать его, хотя и совсемъ отъ неосновательнаго ему порицанїя: Но кого, оправдать помышляю? . . Тебя ль, наставника добродѣтели . .? учителя и друга человѣчеству; оправдать пришло и самую добродѣтель.

А ты, невѣжество, изъ коего громадъ сей твой прегнусный плодъ произращенъ; почувствуешь, и въ потомствѣ достойномъ сего великаго человѣка, должное отъ него къ тебѣ отвращенїе! и сладкая твоя участь въ совершенное возмездїе твое, пребудетъ только та, сколь кратъ творе-

нїи Г. Сумарокова, подобно здѣсь блистающей лунѣ, ни будутъ занимать во прехожденїи своемъ съ престола свѣтъ отъ солнца; толико много кратъ не престанутъ изливать своихъ спасительныхъ намъ росъ, на изсушенїе злыхъ травъ тобой здѣсь насаждаемыхъ!

Пускай проглаcитъ ко мнѣ и самая зависть; Пускай вопроситъ: какъ тебѣ ево оправдать, ты ево и другомъ не бывалъ! Но я ево любилъ какъ друга отечества и просвѣтителя моево отечества! Ты и приятелемъ ево не былъ? Не спорю; хотя я ему короткимъ приятелемъ назватся не умѣю, и знавъ только ево, имѣлъ съ нимъ обращенїе, но чтилъ ево за ево добродѣтель, и за поученїе его въ жизни; я чту ево и по смерти . . . Но что и размышлять о семъ: Я былъ ево современникъ, современникъ ево и порицатель; слѣдственно мы живемъ съ нимъ въ одно и въ то самое время, когда отдалъ онъ въ печать свое злословїе, а я пишу сїе оправданїе: Въ одно время мужа сего злословили и отражали злословїе; въ одно время потомство о томъ и судить будетъ: Но не скажу того, чтобъ насъ обоихъ судить потомство стало. Онъ обругавъ память мужа сего, не только отъ васъ, но и отъ публики себя сокрываетъ; а я и отражая ево предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ вами, Любезныя По-

томки не скрываюсь, но объявляю и имя свое. Онъ ево поносилъ не дѣлая даже и примѣчанія о его злобѣ, и поносилъ предъ отечествомъ: ибо то ево сочиненіе не столь еще славно, а потому нигдѣ, да и во отечествѣ не повсюды извѣстно: а я оправдать предпріемлю ево не только у цѣлаго свѣта, но и предъ мудрою и просвѣщенною нашею Монархинею, ибо ОНА любя свое отечество, какъ истинная Мать заслугъ дѣтей своихъ, и сыновъ вѣрныхъ отечества не презираетъ: награждаетъ въ жизни; славитъ ихъ и по смерти, привлекая и показуя милосердымъ своимъ объ нихъ соболѣзнованіемъ и Вамъ Дражайшія Потомки слѣдовать ихъ похвальнымъ качествамъ и примѣрамъ, которыми они превознесли себя въ сей кратчайшей жизни, въ блаженное ЕЯ державство ко удивленію цѣлаго свѣта. Тронутъ будучи мужа сего душевными качествами и ево отечеству заслугами и просвѣщеніемъ!

И когда позволено сему неизвѣстному предать повѣсть свою печати; то для чево жъ и мнѣ сіе въ защищеніе имяни толь великаго мужа, предать не позволить? Пускай напечатаютъ! и естьли я защищаю по ево, а не по моему мнѣнію, злобнаго человѣка; то пусть останусь я обольщенъ имъ и обманутъ ево добродѣтелями: мнѣ и то будетъ отрадою, что я защищалъ совершенно добродѣтельнаго и великія ка-

чества имѣвшаго мужа, но сія великая душа злобѣ была непричастна! Увѣряю васъ, и увѣряю и самого сочинителя той клеветы увѣреніемъ, какъ то и самъ онъ изобличаетъ себя уже предъ всѣми. Онъ пишетъ:

Что касается до свойствъ ево души, то кажется былъ онъ весьма доброй человѣкъ: но безмѣрная чувствительность, качество нужное стихотворцу, которое однако жъ должно обуздывать благоразуміемъ, была виною крутаго и горлчаго нрава, которой всѣхъ имѣющихъ съ нимъ союзы, а больше ево самаго терзалъ.

Склоненъ сколько благодѣтельствовать столько и мстить.

Не могъ никогда позабывать ни одолженій, ни обидъ ему учиненныхъ.

Притворства и коварствъ ненавидя. Былъ друзьямъ вѣрной другъ и не умѣлъ сокрывать злобы противъ враждующихъ ему. Нетерпѣливъ въ желаніяхъ и нѣсколько въ оныхъ безмѣренъ. Малѣйшее препятствіе смертельно огорчало ево, представляло ему часто самое ничто, великимъ злоключеніемъ.

И говоритъ потомъ: *Славенъ, осыпанъ благодѣяніями Монаршими, могъ бы онъ быть блаженъ, естьли бы умѣлъ.*

Гнушаяся всякой низости души былъ онъ снисходителенъ къ учтивымъ, но гордъ противу гордыхъ.

Но что онъ говоритъ? Онъ говоритъ противъ желанія своего!.. А естьли бы Г. Сумароковъ угождалъ гордости, и оподлялъ себя противъ надменности ее; то могъ бы быть по истиннѣ блаженъ? Но естьли бы умѣлъ! Какъ будто бы чрезъ гордыхъ лишь степень, отъ руки Монаршія блаженство здѣсь проистекаетъ? иль щастье будто бъ намъ, чрезъ напыщенныхъ лишъ однихъ фортуною людей искать долженствовало? Сего онъ утаясь, не смѣлъ намъ изъявить, лишь подстрекая ево славою и благодѣяніями Монаршими, которыхъ сей великій мужъ толико былъ предостоинъ!

. . . .

И удоволя себя, сею желчию, чтобъ раздражить и тѣнь его, ругаяся ему онъ говоритъ еще:

Прости мнѣ, о! тѣнь любезная Музамъ, ты которой столько истинны вмѣщалъ въ твоихъ стихахъ для наставленія человѣковъ, позволь вѣщающему о тебѣ быть тебя достойнымъ, и неумолчаніемъ прискорбной истинны засвидѣтельствовать свѣту нелицемѣріе похвалъ принесенныхъ мною твоимъ достоинствамъ и великимъ дарованіямъ!

По семъ омержая его предъ нами, порицаетъ въ невѣдомой невоздержности, приписуя оную вящею причиною ево болѣзни, снѣдавшей ево, говоритъ, медлительно; и оканчеваетъ свое ругательство призывая любимцовъ музъ, чтобъ они память ево почтили и украсили гробъ ево цвѣтами.

Но вы, какъ днесь и я, Любезныя мои Потомки! не то жъ ли самое помышляете?... Съ перьва назвалъ ево кажущимся ему весьма добрымъ человѣкомъ; но потомъ имѣющихъ съ нимъ всѣхъ союзы, терзающимъ. Благодѣтелемъ именуетъ ево и мстителемъ. Ненавидящимъ притворства и вкупѣ злобнымъ человѣкомъ: не есть ли сїе ругательство нестерпимое! и не превосходитъ ли въ подобїи изображеннаго намъ Г. Вольтеромъ Тиранна въ его Генрїадѣ (*)?... „Тираннъ ево велитъ служить своимъ злодѣйствамъ сокровеннымъ, и по „совершенїи того во гробъ ввергаетъ.„ А сей не являетъ ли сего потомству по волѣ сердца своего и добродѣтельнымъ и вкупѣ злымъ человѣкомъ? Тираннъ дѣйствуетъ съ живымъ и во власти его состоящимъ человѣкомъ; и Тираннъ Г. Вольтера вымышленной. А сей и живой, и ругается не надъ жизнїю, но надъ тлѣномъ мужа превосходящаго уже конечно ругателя въ дарованїяхъ и добродѣтели; да и потому

(*) Пѣснь IV.

онъ ее не имѣетъ, когда безвинно ругается мертвыми и еще ставя себѣ въ славу!

И кто не повлечетъ себя защитить память сего великаго изъ Піитъ Героя, въ отечествѣ своемъ пороки поражавшаго?

Проснись, проснись великая душа, и зри на тебя пасквилы изходящія! . . .

Востань и изреки, что прежде ты вѣщалъ,
Когда ты намъ въ сердца здѣсь истинну вмѣщалъ!
Я слышу гласъ его! зрю тѣнь его стенящу . . . !
И горести свои отечеству гласящу.
Отъ гроба возстеналъ, ко граду вопіетъ:
„Нещастливый людѣй, меня знать въ свѣтѣ нѣтъ!
„За добродѣтель мнѣ, сія ли ахъ! . . . награда?
„Дабы престольны градъ, гдѣ царствуетъ Паллада,
„Петрополь бы стерпѣлъ низрѣкшу мнѣ, хулу:
„И мертва на меня съ плесть адску далъ, хвалу! . .
„За трудъ мой, былъ я мертвъ; былъ разъ злодѣямъ жертва:
„Вторично вы меня . . . О! россы . . зрите мертва.

И такъ, когда мы любимъ наше отечество, и естьли подлинно мы оное любимъ и болезнуемъ о немъ: то и сія

новая внедряющаясь въ него зараза злословія мертвымъ, должна ли быть потерпимою . . .? которая опытъ свой предъ публикою безстрашно, а при томъ и надъ какимъ еще прехвальнымъ мужемъ показала, которой былъ украшеніемъ своего отечества и былъ утѣшеніемъ и тѣхъ самыхъ сердецъ, которыя нѣжностію и просвѣщеніемъ и въ самихъ себѣ изобиловали! Двумя или тремя реченіями, чрезъ сочетанныя самою злобою буквы, память сего великаго человѣка преданная печати предъ цѣлымъ свѣтомъ является очерненною? что пользы отечеству, а тѣмъ меняе славы принести не можетъ.

Сочиненіе, которое не имѣетъ въ себѣ ни титула, ни содержанія, не только историческаго или критическаго; но даже по взнесенію въ него имяни Г. Сумарокова, совсемъ извлекло уже себя отъ извиненія и самыя сатиры? къ чему жъ останешся ты толь чудное твореніе, какъ только не къ усладженію творца своего въ его удачномъ, но вредномъ для отечества исполненіи? а далѣе къ чему? . . . можешь ты развратить мѣлкіе умы, и разплодить свой ядъ и по всему нашему отечеству и поспѣшить къ отравленію сердецъ нѣжнаго юношества, научая ихъ; а можетъ быть научая приносить жертву и самой злобѣ, чтобъ сквернить память по смерти отечества мужей знаменитыхъ; другихъ плодовъ,

отъ всемирныхъ, но при томъ ужасныхъ сихъ историковъ, конечно я, Любезныя мои Потомки и не ожидаю.

Что жъ будутъ правила, оставленыя намъ симъ великимъ мужемъ, къ нашему исправленію? что жъ будутъ, и всѣ его благотворительныя къ пользѣ отечества патріотическія поученіи? которыя ничто есть, какъ только сообразныя безсмертнымъ начертаніямъ **ВЕЛИКИЯ ЕКАТЕРИНЫ!**

И естьли уже найдено, что дѣйствіе сердецъ человѣковъ, злыхъ или добрыхъ изливается на дѣлахъ ихъ; изливается и на самыхъ твореніяхъ: то на сіе опричь сего самаго привода не требуется. Не стремятся ли и малыя дѣти спознать и ученіе и жизнь божественнаго Сократа? и не бѣжитъ ли всякой возрастъ отравы рожденнаго во Флоренціи чудовища! одинъ ненавидимъ былъ въ жизни, и слушала ево, такъ сказать, малая песчинка людей: но обожаютъ по смерти ученіе ево всѣ племена земныя. Другой: былъ удивленіемъ разума и добродѣтели! даже и утѣхъ, кто вчислялъ себя быть въ прямыхъ человѣкахъ; но проклинаемъ, и съ своимъ ученіемъ до самаго ада: но проклинаемъ тогда уже сталъ, когда преславный благодѣтель рода человѣческаго (*) изрылъ

(*) Смотри Антимакіавель, сочиненія Его Величества Короля Прусскаго.

того орудїе, и показалъ наконецъ всему свѣту врожденную злость въ душѣ Махиавеля; а тогда и ученїе ево таковымъ показалось.

Кто насъ, Любезныя Потомки увѣряетъ въ томъ, какъ не Исторїя, что Сенекины нравоученїи пахнутъ сребролюбїемъ! Сколь ни надѣлалъ сей разумной человѣкъ частыхъ, а при томъ богатыхъ и великолѣпныхъ похвалъ скудости: но преданїе впечатлѣваетъ уже объ немъ навсегда, и такъ что онъ никогда не увѣритъ насъ въ непристрастїи своемъ къ богатству и собиранїю съ того злѣйшаго роста, къ ево обогащенїю; а потому нравоученїи ево и не удивительно, что естьли и по сему одному хладнокровными называются. Каково жъ сїе было бы, для благодѣнствїя нашего любезнаго отечества, когда бъ поученїи Г. Сумарокова, столь важны, рѣдкїй, сильный и естественный; могущїя образовать и даже направлять и самозлѣйшїя души ко стезямъ истинны, относить стали не къ дѣйствїю качествамъ добродѣтельнаго его сердца, а дѣйствию злобѣ ево и мщенїю? которыхъ ему и въ мысль не приходило!

Толикое то есть предубѣжденїе въ людяхъ и ложное и справедливое, пока не объявится опытъ; а соблазнительная

въ нелѣпыхъ повѣстяхъ о качествахъ нравоучителя, и единая черта о томъ преданная потомству, нанесетъ цѣлую громаду заключенiй; а можетъ быть вселяяся въ сердца произведетъ по малу и поврежденiе нравовъ.

Да хотя бъ вскорѣ сего и не послѣдовало: но восхваляя дѣла преславныхъ нашихъ Героевъ, рожденныхъ намъ Мудрою ЕКАТЕРИНОЮ, удивившихъ и насъ и цѣлый свѣтъ своими славными дѣйствиями, каковы суть герои, а вкупѣ и великiе патриоты отечества: О . . . . каковы суть хранители законовъ: Д . . . и многiя другiя знаменитыя люди; ибо и они не безъ завистниковъ: Не уже ли говорю я, восхваляя ихъ въ жизни, можно бъ было наимяновавъ ихъ, по смерти, а къ тому еще и всякому соплетателю повѣстей, по волѣ своей, а при томъ когда и какъ имъ угодно будетъ образовать душевныя ихъ качества смѣшавъ похваленiе съ похуленiемъ и предавать печати? . . . И когда чрезъ обьявившейся примѣръ и о такомъ великомъ мужѣ, безвинно, добродѣтелямъ ево обидное предано: чего жъ должны, отъ зависти и мщенiя по конецъ житiя своего не ожидать, меньшiя ево достоинствомъ люди!

Служа отечеству, съ честїю и славою, до порога своего гроба! не жалѣя въ жизни своей ни трудовъ, ни старанїй, ни опытовъ горящаго своего къ нему усердїя; восходя постепенно къ честямъ и достоинствамъ, что только и есть единое добродѣтелямъ награжденїе: а то жъ самое служитъ и къ умноженїю славы и вознесенїю на самой верьхъ и самаго величїя отечества, и восходя не лестїю или коварствомъ, или какъ бываетъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, съ обидою равнаго или еще и лучшаго ему, ко умаленїю славы вождѣй и начальниковъ ихъ; а въ разсужденїи крайнихъ наградъ, иногда упадаетъ тѣнь отъ недостойныхъ сихъ, и на самое величество: Но проходя всегда толь тѣсными ступѣньми ко храму истинныя славы, пренебрегая страхъ и всякїя опасности, вкушая наконецъ и самое отчаянїе, которое превосходитъ иногда и самую смерть: въ послѣдокъ, дерзая для отечества пренебречи и жизнь свою! чая за то, да при томъ и не иначе, какъ чтобъ неминуемо приобрѣсти въ жизни, а къ тому и до смерти соблюсть прїобрѣтенную кровїю и потомъ, сїю дражайшую славу; да и въ потомство предоставить бы ее невредимую жъ. И когда ни Монаршая власть, ни самыя законы, не находили опричь должнаго за добродѣтели ихъ, въ жизни имъ воздаянїя, и никакого къ поврежденїю имяни ихъ, поношенїя не произрекали: но паче еще въ

слухъ цѣлаго свѣта и отечества, за добрые качества были похваляемы и награждаемы; а по сему и не блаженными ль почитали себя таковыя Герои и сподвижники добродѣтели въ жизни? и не треблаженняе ль, они и паче помышляли себя быть, когда оставляли по себѣ вѣчную славу и доброе свое имя, по смерти? Но какъ обманулися бы они, Любезныя мои Потомки, когда бъ воскреснувши изъ гробовъ своихъ, нашли о себѣ, вмѣсто ожидаемыхъ истинныхъ похвалъ, во мзду безконечныхъ и неоцѣнѣныхъ отечеству заслугъ своихъ, преданныя тисненіемъ въ потомство едины только смрадъ и нестерпимое зловоніе человѣчеству! А тогда, и не возгласили ль бы, они сего, пришедъ во изумленіе: Не разрушается ли просвѣщеніе?... и не ликуетъ ли уже невѣжество! Но что я говорю: Пришли бъ во изумленіе; они ужаснулися бы и изступилися разума, когда бъ спознали что столь малое, а можетъ быть, въ жизни ихъ!... едва и узрѣваемое ими, животное?... можетъ по смерти угрызать, да еще и въ самую нѣжную сію имъ цѣль славы и непорочности! О! когда бъ все сіе еще при томъ и неотвратимо? колико бы уменьшилося къ достиженію сего къ славѣ воздымающаго ихъ любочестія; и сколько бы охладѣло и въ насъ похвальнаго рвѣнія къ добродѣтели!

Таким возможнымъ усердіемъ моему способомъ, изъявивъ кратко, о предвидѣнныхъ мною, дерзскаго ругательства плодахъ, приносящихъ силою своихъ отравъ, неизлѣчимое нравамъ поврежденіе, осталось мнѣ Любезныя Потомки повторить предъ вами; и сіе только единое; что отличившіяся дарованіями и заслугами къ своему отечеству, мужи, не поруганія по смерти, но воздаянія достойны! владычествующее жъ въ душѣ моей, о великости духа его замѣчаніе, есть то: разумъ, сего великаго человѣка всегда соотвѣтствующій движеніямъ искренней ево души, стремился: воздымать добродѣтель! и кажется: нѣтъ мысли въ нравоучительныхъ ево поученіяхъ, гдѣ бъ онъ не открывалъ намъ чистосердечно своего намѣренія; разверзая, такъ сказать, искуствомъ пера своего, сердца наши, ко влиянію въ нихъ Нектара своего благоразумія? А по сему и нравъ ево, не иначе какъ по чувствительности сердца ево и соразмѣрять возможно. Не найдемъ мы ево нигдѣ, чтобъ онъ подобно змію, скрывался здѣсь когда, подъ нѣжными цвѣтами.

Но естьли бъ и сіе къ чему послужить могло! дабы возведя ево во сравненіе достоинствъ, заслугъ, и усердія и неколебимой вѣрности истинныхъ сыновъ отечества; возвѣсти бъ и ко знаменитости родовъ древностію и отли-

чными знаками честей отличающихся: когда бъ слѣдовало, и къ тому возвѣсти ево? ибо и самъ онъ объ томъ въ жизни своей, едва, воспоминалъ ли къ намъ: зная, и научая насъ, что украшенїе родовъ, есть каждаго и въ особливости, лишъ собственныя наши достоинствы. Но и въ томъ, Любезныя Потомки! не представилъ бы онъ себя, предъ васъ, ни въ чемъ недостаточна. (*) А по таковымъ ево высокимъ и неоцѣннымъ талантамъ, просвѣщенїю и знаменитости рода: кто можетъ изъ благоразсудныхъ, честныхъ и безпристрастныхъ людей не помѣстить ево въ число первыхъ отечества членовъ? . . . Сего, славою облиставшаго дражайшее наше отечество, мужа! котораго мы, осмѣлюсь я сказать: со дней, водимаго мудростїю ПЕТРА, чудною судьбою, едва да и единаго его въ отечествѣ видѣли.

Въ цвѣтущей юности, ощутить въ себѣ толикую обширность разума, (**) силы и надѣянїе духа, чтобъ увѣрить

(*) Родитель ево Петръ Панкратьевичь Сумароковъ имѣлъ чинъ Генерала Порутчика и былъ разныкъ Орденовъ Кавалеръ.

Ближнїй ево родственникъ, Петръ Спиридоновичь Сумароковъ, Оберъ Шталмейстеръ, Сенаторъ, Дѣйствительный Камеръ Геръ и разныкъ Орденовъ Кавалеръ.

Родъ Сумароковъ древностїю и происхожденїемъ не уступаетъ . . . но сїе препоручаю я г. Гералдикамъ.

(**) Г. Сумароковъ, еще въ шлях. кадетск. корп. будучи кадетомъ, началъ писать; но и тогда ево стихотворенїе, таково было, какого въ чистотѣ нашего языка, и вплавкости стопосложенїя здѣсь не бывало.

себя, превозмощи всѣ трудности; пройтить сквозь мракъ безовсякаго препровожденія, и достичь въ жилищѣ музъ. Нравится имъ, все минутно; бесѣдовать съ ними и доказать имъ вкусъ свой, и себя любви достойнымъ: обнадѣжить ихъ и наконецъ, увѣривъ ихъ милостивымъ покровительствомъ щедрыя, и превосшедшія кротостію, всѣхъ земныхъ Царей, Божественныя ЕЛИСАВЕТЫ! съ верховъ, неприступныя высоты Парнаса, безовсякаго отечеству устыдѣнія; но паче при похвалѣ цѣлаго свѣта, низвесть и водворить ихъ торжественно въ жилищѣ основанное ПЕТРОМЪ? не есть ли сіе великое и преславное, рукъ дѣло ево, а при томъ и въ столь краткое время усовершенствованное имъ: которое ни въ чемъ не уступаетъ славнѣйшимъ отъ многихъ вѣковъ въ Европѣ заведѣніямъ; не естьли достойнымъ быть къ постановленію объ немъ, здѣсь славныя Епохи? а воскуривъ, предъ возлюбленною своею Мельпоменою, на созижденномъ для музъ ево рукою жертвенникѣ, благоуханіе отъ предражайшаго Мирра: ясно уже всему умному свѣту открылось, что до времянъ Великаго Государя, ни обиталищь у насъ наукамъ; а до преславнаго державствованія, Премудрой Ево Дщери, сіи съ дружившияся съ нимъ, чистые музы въ отечество наше, низводимы, ни кѣмъ не бывали? Но сія слава ему предоставлена была, Минервою и Аполлономъ.

Являются, Рассинъ: Боало, Молїеръ и нѣжная Саффо на колесницѣ прилетаетъ. Де ла Фонтенъ съ радостїю уступаетъ ему свои Лавры, и Малгербъ раздѣляется для него съ собою: Софоклъ, и Еврипидъ, во изумленїи зрятъ себя воскреснувшихъ съ нимъ на брегахъ Сѣвернаго Едема? Бароны, Лекѣны, Лекувреры, Госейны, всѣ рождаются отъ ево вкуса! и храмъ Богини отверзается устланны цвѣтами Грецїи и украшается имъ Лавромъ и Пальмою. Заритъ Россїйскаго Парнаса лучь; заритъ по всему отечеству, и уже ударяется блескъ ево къ чести нашего вѣка, и славѣ Государѣй нашихъ, по всей подсолнечной? Вольтеръ, преславный сей Вольтеръ не задолго предъ кончиною своею, почтилъ мнѣнїи ево о предразсудкахъ неистовыхъ драмматическихъ сочиненїй искреннимъ своимъ письмомъ: свидѣтельствуя; или лучше сказать запечатлѣвая въ немъ вкусъ ево и славу. Не тщетно ты, дражайшїй Сумароковъ, нѣкогда и самъ сїе произрекъ: „По„логїй Невскїй брегъ, сталъ здѣсь горою Геликономъ! . . „ тогда лишъ, прямо вы, о! Невскїя струи: тогда лишъ вы смясилися съ потомками Ипокрены? тогда, во дни ЕЛИСАВЕТЫ, тогда лишъ въ первыя явился здѣсь у насъ въ Россїи вѣкъ златой! тогда и грубое невѣжество ко гласу лирному неволею воспрянуло: подобно лѣсъ, иль звѣри шли послушать

вЪ немЪ Орфея?.... Простите мнѣ сїе вЪ малѣ сдѣланное отступленїе для страсти моей кЪ Поэзїи.

ВступаетЪ имЪ, СинавЪ: но показался какЪ? что и славящаяся престольнымЪ обиталищемЪ музЪ Францїя, пришла вЪ восторгЪ и удивленїе! и рукоплещутЪ ему отЪ толь не за характерЪ одинЪ явившихЪ имЪ ГероевЪ: но за прекрасное ево для насЪ нравоученїе; за ополченїе ево противЪ терзавшихЪ отечество наше ненавистныхЪ пороковЪ. И точно вЪ слѣдующихЪ словахЪ журналЪ чужестранныхЪ объясняется: (*) ,,Должно благодарить автору, что онЪ при семЪ случаѣ ,,толь храбро ополчился противЪ неправды и свирѣпости, ,,пороковЪ ненавистныхЪ и далѣе по семЪ: — И такЪ Г. Су- ,,мароковЪ не можетЪ довольно вооружиться противЪ сихЪ ,,пороковЪ.—Проповѣдовать Россїи правосудїе и человѣколю- ,,бїе ничто иное есть, какЪ вспомоществовать Всеавгустѣй- ,,шему примѣру, которой она имѣетЪ отЪ владѣющей нынѣ ,,Государыни и для того должно здѣсь слушать автора, а ,,не Князя Трувора.—И наконецЪ отзывается Францїя сими ,,словами: по крайней мѣрѣ, таковый плодЪ отечеству сти- ,,хотворца славу принесетЪ, какЪ произведшему на свѣтЪ ,,такого стихотворца, которой живымЪ примѣромЪ показы-

(*) Смотри вЪ журналѣ 1755 года стр. 114. напечатано вЪ Парижѣ.

„ваетъ о успѣхахъ наукъ введенныхъ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ, „и процвѣтающихъ подъ покровительствомъ Августѣйшей „ЕГО Дщери.„

Возблисталъ при Невѣ; и слава его усрѣтаетъ даже отъ Сейны? . . . . Лейбцигское ученое собранïе удостоиваетъ его своимъ членомъ. Францïя и Германïя! о, коль умѣете вы цѣнить дарованïи?

Не для чего мнѣ о томъ воспоминать; Любезныя Потомки, сколь долго къ намъ и отъ какихъ временъ ожидаемы были науки въ Государство? Не много еще и сему времяни прошло, какъ славный оный Фонтенель, въ похвальномъ своемъ словѣ, (*) изъявляя величïе ВЕЛИКАГО ПЕТРА, попрекалъ насъ, что до временъ Петровыхъ словесныхъ наукъ у насъ не бывало? примѣтно то его замѣчанïе: предано оно здѣсь печати, ко утвержденïю истинны. Давно ль и самъ безсмертный Государь, среди своихъ побѣдъ, ко подданнымъ своимъ, здѣсь тако объяснялся: (**) „Странствованïе Наукъ, го„ворилъ ОНЪ въ рѣчи своей, уподобляется теченïю крови.

(*) См. слово похвальное Государю ПЕТРУ I. говоренное въ достоинствѣ члена Парижской Академïи Наукъ въ 1725.

(**) Читай въ жизни Государя ПЕТРА ВЕЛИКАГО, част. II. бытïе 1714 года.

,,Надѣюсь я, продолжалъ, что оставятъ науки нѣкогда Гер-
,,манію, Францію и Англію, и чрезъ нѣкоторое время у насъ
,,пребудутъ; чтобъ по семъ паки въ Грецію, древнее ихъ оте-
,,чество возвратится.,, Ожидалъ ихъ къ себѣ Премудрый Го-
сударь, и не обманулся. Но долго показалося ему, и медлѣнно они идутъ: не преминулъ, и самъ нѣкогда для нихъ, оставя Скипетръ; путешествовать? Вельможи слушали сію рѣчь; но слушали тогда съ сожалѣніемъ, любя болѣе древния свои обычаи, нежели желая славы своему Монарху. А младыя ево Герои, подобныя вамъ Любезныя Потомки! тронуты ею были такъ, что не могли отъ слезъ воздержаться? и сіе намъ не только ево Исторія, но и память очевиднаго еще объ немъ бытія повѣствуетъ. И да пребудетъ слава ЕГО, до толь, доколѣ твердъ небесная не разрушится! . . . . Кто бъ не восхотѣлъ усладить зрѣніемъ душу свою видя восходящее солнцѣ, распростирающее лучезарные свои стрѣлы, по лицу земному? Возлюбили и вельможи науки: и ПЕТРЪ простеръ на нихъ Свое сіяніе.

Въ коликомъ ты былъ восхищеніи безцѣнный Сумароковъ! когда, въ жизни ты сей, нѣкогда, произрекая слово твое, на прославленіе сего Премудраго Государя; и сіи твои, медоточные объ немъ, изъ устъ твоихъ слова произносилъ?

которыя сердцамъ, въ вѣрноподданныхъ, приятняе сто кратъ еще, нежели какъ то намъ повѣствуютъ о божественномъ Несторѣ; изъ котораго устъ, проистекалъ гласъ ево, приятняе меда.

„Ежели забудемъ тебя ПЕТРЪ Великїй; забвенна буди предъ „Господомъ десница наша! ежели не воспомянемъ тебя вѣ„щая о благополучїи отечества; прильпни языкъ нашъ гор„тани нашей? сїе мѣсто, гдѣ въ Петрополѣ науки возра„стаютъ; и сїе почтенное мѣсто Тобою основано . . . !„

. . . .

Пришли науки: водворилися: и обитаютъ. И теперь остается намъ, Любезныя Потомки, чево желать? . . . желать сего только единаго: доколѣ они здѣсь, премудрою и достойною, преемницею, отца отечества, просвѣщенною ЕКАТЕРИНОЮ, мужественною, и благодѣяньми къ намъ преисполненою: десницею ЕЯ, здѣсь сїи науки покрываются: и доколь они по словамъ обожаемаго и по смерти нами Монарха, въ древнее ихъ отечество, и не разсадивъ можетъ быть еще многихъ у насъ драгоцѣнныхъ своихъ сѣмянъ, безъ произращенїя совершенныхъ плодовъ своихъ, не отлетѣли: въ сїе время къ нимъ столь блистательное! постаратся къ нимъ Любезныя Потомки прибѣгать; и посвящая имъ наши

сердца и услуги, ко удержанію ихъ прилагать общия силы. Быстрой они имѣютъ полетъ! . . . Но можно и ихъ, поудержать? Можно; но только тѣмъ: когда возлюбимъ ихъ; то и да сохранимъ уже навсегда къ нимъ наше почтеніе. Славолюбивы они; и безмѣрно чувствительны. Охраняйте ихъ, колико возможно отъ пресмыкающихъ на нихъ гадовъ: которыми преисполнены и со избыткомъ всѣ земли и моря? . . а Музъ не много? (*)

Любите отечество; умирайте за отечество! и сіе твое жъ, о! великій мужъ, произреченіе? . . . Видѣли мы здѣсь и Мецената: и во многихъ ихъ видимъ; но въ предь, и больше ихъ, увидить надѣемся. Любите отечество? . . Тожъ кажется самое, какъ бы сказать, любите въ нимъ, и чесностію людей преисполненыхъ.

Ежели бы, въ любимцахъ музъ; но я говорю объ тѣхъ, которыя прямо достойны были священаго сего имяни, въ жизни своей: ежели бы не было въ нихъ, сего сладчайшаго, и возженаго со днѣй познанія ихъ, о самихъ себѣ упованія; сей оживотворяющей ихъ, надежды, и которою по справедливости, чувствуя они въ себѣ даръ, небѣсъ, въ жизни своей

(*) Здѣсь приняты все науки и художества.

безо всякаго надыманія, и ласкать себя въ томъ, не только имѣли право; но и возбуждаемы они снисхожденіемъ на нихъ, или короче сказать присутствомъ въ нихъ неложнаго и пресвѣтлаго божества. Цицеронъ! . . . тебя единаго, довольно воспомянуть, и когда ты говорилъ слово твое за Архія: приводя къ тому ты изреченіе священаго Еннія? Упованіе сіе, въ нихъ суть, безсмертіе; и торжество надъ смертію!

Щастливъ бы былъ въ нихъ тотъ, и треблаженъ, котораго бъ изъ нихъ покой ненарушала здѣсь зависть, и обременяющее сферу земную невѣжество? но естьли бъ не было въ свѣтѣ невѣжества; не былобъ и сатиры; и сего избежать невозможно. Нападеніе злобы, умножаетъ славу сочинителеву? и лутче бъ не творити зла, нежели язвить порицателя; которой для меня быть можетъ, да и по мнѣнію многихъ, другъ совершенный!

Не справедливо то, Любезныя Потомки, и вопль сей есть самыя зависти и лютѣйшихъ пороковъ: будто бы поражающій ихъ, самъ себя добровольно лишаетъ въ мирѣ семъ сладкаго успокоенія? но своею ли онъ, волею, дѣйствуетъ? или не долженъ быть уже и никто добродѣтельнымъ? но добродѣтель та, не совершенно ль превышаетъ человѣчество, когда находитъ она свои награды, во самой себѣ; а дѣйству-

етъ какъ говоритъ сїе одинъ изъ мудрыхъ человѣковъ: (*) дѣйствуетъ сама по себѣ великодушно, и независящая отъ законовъ.

Произречь бы довольно вопїютъ, едины только разъ: хотя бъ пїитамъ то уставы позволяли; хотя побуждала бъ ихъ къ тому святая истинна, хотя бъ услаждалися тѣмъ, и сами, законоположители, услаждалися бы тѣмъ помазанники Божїи! которыя въ порученномъ имъ отъ Бога стадѣ, водворяти всечасно миръ и спокойствїе, только желаютъ: искореняли бъ зло, и предупреждали бъ въ составляющихъ оное? О! достойный гласъ бурливаго невѣжества, или паче достойный самаго ада! . . . Иль мнишъ ты потушить симъ ревомъ твоимъ, въ душахъ ихъ пламень, пожигающїй не наружность въ васъ, только единую; но касаясь не рѣдко даже во внутрь испорченныхъ сердецъ, и душъ въ васъ злочестивыхъ! Воспламененныхъ ихъ, божественнымъ симъ даромъ, знайте! никакое нападенїе въ прямыхъ любимцахъ музъ, отвратить того еще отъ начала, бытїя мира невозмогало? . . . Хотя бъ претерпеть имъ все напасти, и изнуреннымъ бы имъ стать, лишенну бъ стать, всего своего стяжанїя; но они съ честїю живя, не устыдятся, богат-

(*) Смотри разсужденїе о добродѣтеляхъ и награжденїяхъ, переведено оно Ф. Г. Каринымъ: и напечатано въ 1769 году.

ствомъ своимъ сравнится съ Аристидомъ и знаменитыми Римлянами, Публиколою и Агриппою? Но хотя бъ и такъ имъ умереть случилось, какъ Сократу: Могутъ! и воспоминанiе объ нихъ чрезъ множество вѣковъ, Любезныя мои Потомки, изъ глазъ добродѣтели, лишъ только слезы исторгаетъ.

Въ комъ таковое было терпѣнiе за любовь ко отечеству, за ненависть къ порокамъ и за установленiе прекраснѣйшей Поезiи русскаго слова: каковое испыталъ, въ жизни своей, несравненный Сумароковъ? Испыталъ ты надъ собою, все! изреченное мною: божественный Пiитъ! . . . кромѣ кончины Сократовой. Вы прозрите изъ ево слезъ Любезныя мои Потомки; все снѣдающее жизнь ево, и сокрушающее въ нимъ сердце ево? . . . Но, всегда вы ево узрите покровенна Егидомъ Афины, всегда шествующа, между творцовъ, подобно Алкиду, проходящаго дебри Поезiи! вы узрите ево вездѣ попирающаго стоящiя ему прямо по пути кремнистыя горы.

По истиннѣ, нельзя не повторить сказаннаго въ письмѣ однимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, къ славѣ Г. Сумарокова, и къ незыблемой чести сочинителя того письма; сего, сказаннаго имъ изреченiя: „При которомъ бы изо всѣхъ „своихъ творенiй, сей великiй мужъ не остался, то каждымъ „бы изъ оныхъ могъ себѣ приобрѣсти бесмертiе!

Пройдемъ Любезныя мои Потомки прекрасныя мысли ево о благополучіи отечества, о возбужденіи добродѣтели, вѣрности и повиновенія къ своимъ Монархамъ безъ лицемѣрія, и о почтеній самаго Бога безъ суевѣрія: пройдемъ, и коснемся ко омерзѣнію имъ въ сердцахъ человѣческихъ адскія злобы. варварства, лжи, лѣсти, коварства, зависти, клеветъ звѣрства гордости и неблагодарности . . . . О! несравненныя тобой оставленныя намъ великій мужъ ко просвѣщенію невѣжества поученіи; и ни съ чемъ несравнительныя, труды твои! ко нискошенію древняго и самозлѣйшаго въ отечествѣ порока: самой Минервой здѣсь, торжественно поражаемаго! храмы Фемиды оскверняющаго? сражаясь, съ сими гнусными идолами, низлагаемыми отъ тебя, тяжчайшими пера пораженіями, по самой часъ кончины твоея; во все теченіе днѣй твоихъ! ты: которой соотвѣтствовалъ въ томъ перьвой, желаніямъ Премудраго Государя, къ благодѣнствію народну при его Великой Дщери и омерзилъ Лихоимство? . . . и, воскрилясь по семъ, дѣйствіемъ и самыя мудрости, потекъ ты въ слѣдъ Божественнымъ начертаніямъ ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ: которой духъ воспарилъ, въ твой вѣкъ, въ предѣлы, поднебесныя! ты былъ виновникъ самъ, прехвальному твоему обреченію и принесенію въ жертву самаго себя, ненависти и злодѣянію! для просвящeнія отечества, сокращая дни

свои, дражайшій нашъ, Патріотъ? не примѣтною и сладкою тебѣ отравою, возлюбленною тобой толь строгою добродѣтелію? . . . А вы! дражайшія Музы, были усиліемъ ево толь стройныя Поезіи. Колико вознесенную имѣлъ онъ душу? . . . Колико геройское имѣлъ онъ сердце, посвящая дни свои всегдашнему нравоученію

Позвольте мнѣ, Дражайшія мои Потомки, видя васъ воспламеняющихся истиннымъ жаромъ благодарности къ толико рѣдкимъ дарованіямъ сего вашего отличаго предка, и мнѣ, восплескать ему съ вами и приобщить себя вашему восхищенію.

Николай Струйской.

ОШИБКИ

Страница

напеч.	*читай*
11.	
человѣчеество	человѣчество
13.	
ибо ОНА	ибо и ОНА
19.	
оставленыя	оставленныя
25.	
и не оцѣннымъ	и не оцѣненнымъ
27.	
съ потомками	съ потоками
32.	
любите въ нимъ	любите въ немъ
33.	
священаго Еннїя	священнаго Енния

14029.
75.

6242

330/19